

ROMA

ИТАЛИЯ ОХОТА НА УБЕЖДЕНИЯ

ЗАКАРИ ХЕЙЗ

18+

Закари Хейз

Италия: охота на убеждения

<https://litres.ru/74442564>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Италии громкое дело о «психосекте» кажется очевидным — пока психолог Рафаэлла не находит одинаковые жалобы, медийные вбросы и след антикультовой сети. За правду ей придется заплатить всем, что у нее есть.

Закари Хейз

Италия: охота на убеждения

Настоящее издание представляет собой художественное произведение. Все имена, персонажи, диалоги, события, организации и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла и используются исключительно для раскрытия авторского замысла. Любое сходство с реальными лицами, событиями, обстоятельствами, организациями, названиями, публичными спорами или общественными процессами является случайным и непреднамеренным. Мнения, реплики и оценки персонажей являются частью художественного повествования и не должны восприниматься как позиция автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Пролог

На полу в кабинете выстроились три картонные коробки. Из приоткрытой крышки верхней виднелся синий корешок папки с надписью «Procura della Repubblica di Roma».

За окном шумел вечерний Рим, доносились резкие гудки скутеров с Виа Национале. Здесь, в тишине, этот шум казался далеким, словно шел из другого измерения. На столе горела настольная лампа, выхватывая из темноты плотные ли-

сты судебного постановления. Десятки страниц текста. В самом конце — слово «assoluzione», оправдание. Формула, которая должна была вернуть прежнюю жизнь.

Формальное прекращение дела состоялось два месяца назад. Телефон, который раньше разрывался от звонков журналистов, теперь молчал. Ни один из репортеров, писавших о «секте психологов» и «пособничестве», не набрал этот номер, чтобы сообщить о финале дела. Газеты, выходившие огромными тиражами с кричащими заголовками на первых полосах, ограничились парой строк на последних страницах. Или просто проигнорировали исход.

Взгляд упал на старый блокнот, исписанный торопливым почерком. На первой странице стояла дата: октябрь 2006 года. С этого дня началось то, что превратило успешного исследователя, эксперта по религиозным движениям, в обвиняемую.

Высокие потолки судебного зала в Риме терялись в тени, а свет из узких окон падал на длинные скамьи для публики, оставшиеся почти пустыми. Судья читал приговор монотонным, лишенным эмоций голосом. Каждое слово отражалось от мраморных стен и улетало под купол. Пальцы сжимали край деревянного барьера так сильно, что побелели суставы.

— Оправдать за отсутствием состава преступления...

Слова упали в тишину зала. Адвокат слегка коснулся плеча, его ладонь была теплой и успокаивающей. Но облегчение не пришло. Вместо него в груди образовалась странная,

звнящая пустота. Напротив, за столом обвинения прокурор медленно собирал бумаги в кожаный портфель, даже не взглянув в сторону скамьи подсудимых. Для него это был лишь один из десятков процессов, завершившихся в этот четверг. Для человека, стоявшего у барьера, это были почти десять лет, стертых из жизни.

В коридорах трибунала мимо пробежали юристы в развевающихся черных мантиях, шептались клиенты, хлопали тяжелые двери. Ни одного знакомого лица. Ни одного журналиста с диктофоном. Те самые люди, которые в 2007-м заполняли залы заседаний и дежурили у подъезда с камерами, теперь потеряли к процессу всякий интерес. Оправдательный приговор не продается так же хорошо, как сенсация о «психосекте» и ее «пособниках».

Вспомнился первый день этой лавины. Октябрьское утро в офисе антикультовой ассоциации CeSAP — Centro Studi Abusi Psicologici. На столе лежали свежие вырезки из прессы, пахнущие типографской краской. Заголовки кричали о «промывании мозгов», «финансовом вымогательстве» и «оргиях». Тогда, будучи молодым психологом и членом правления ассоциации, трудно было представить, что за этими криками скрывается не забота о пострадавших, а нечто совсем иное. Вера в благородную миссию антикультового движения казалась незыблемой.

Коллеги кивали, обсуждая методы «Аркеона» — группы, которая внезапно оказалась в центре общественного вни-

мания. Карло, сидевший напротив, постукивал карандашом по столу, его лицо выражало глубокую озабоченность. «Мы должны защитить общество, Рафаэлла», — говорил он, протягивая тонкую папку с первыми жалобами. И эта папка была принята с готовностью помочь.

Сомнения появились позже, когда началось детальное изучение документов. В жалобах обнаружились странные совпадения: одинаковые речевые обороты, одни и те же даты, скопированные абзацы. Словно их писал один человек под копирку, а не разные пострадавшие, не знающие друг друга. Но попытка указать на эти нестыковки вызвала лишь раздражение коллег. «Ты защищаешь сектантов?» — этот вопрос, заданный ледяным тоном, стал первым предупреждением.

Сейчас, спустя годы, эти воспоминания выстроились в четкую картину. На столе в римской квартире горела лампа, освещающая стопки бумаг. Три коробки у стены — это не просто макулатура. Это хроника того, как демократическое государство может быть использовано для уничтожения инакомыслия. Как полиция, пресса и общественные организации объединяются в единую сеть, готовую раздавить любого, кто посмеет усомниться в официальной догме.

Решение открыть этот архив было трудным. Телефон молчал, друзья, исчезнувшие в начале следствия, так и не вернулись, а научная карьера лежала в руинах. Но молчание означало бы согласие с тем, что произошло. С тем, что любого гражданина Италии можно объявить «жертвой мани-

пуляции» или, наоборот, «опасным манипулятором» без каких-либо доказательств, просто на основании мнения группы активистов.

Палец скользнул по синей обложке первой папки. На ней значился 2006 год. Время, когда все еще казалось простым и понятным, а мир делился на спасателей и жертв. Пора вернуть события к их началу.

Глава 1. Первые трещины

В офисе антикультовой ассоциации CeSAP горели тусклые неоновые лампы, заставляя лица присутствующих казаться землисто-серыми. На длинном столе из дешевого ДСП были разложены папки из грубого картона, исписанные блокноты и стопки распечаток с интернет-форумов. Во главе стола сидел Карло, методично постукивая по краю чашки пластиковой ложкой. Этот звук — сухой, ритмичный — задавал тон всей встрече.

— Мы не можем больше ждать официальных отчетов от карабинеров, — Карло обвел присутствующих тяжелым, усталым взглядом. — Пресса уже бурлит. На следующей неделе выходит большой материал в крупной газете, и если CeSAP останется в стороне, нас просто не поймут. Общество ждет от нас экспертной оценки. «Аркеон» — это не просто очередная группа изучения восточной философии. Это структура, которая ломает психику людей под видом тренингов личностного роста.

Напротив него сидела Лорита Тинелли, известная своей

жесткой позицией в отношении любых новых религиозных движений. Ее тонкие пальцы быстро перебирали листы в центральной папке. На обложке папки маркером было выведено одно слово: «Arkeon».

— Лорита права, — раздался голос с конца стола. — Пострадавшие описывают сеансы как сплошной кошмар. Там практикуются групповые сеансы, где людей заставляют кричать, раздеваться, признаваться в самых постыдных вещах. Это классическое разрушение личности. Психосекта в чистом виде.

Слова «психосекта» и «промывание мозгов» летали над столом с пугающей легкостью. Взгляд скользнул по лицам коллег. Никто из них не улыбался. Все они искренне верили, что прямо сейчас, в этой полутемной комнате, они спасают жизни, выстраивая заслон против невидимого зла. Статус признанного психолога и члена правления ассоциации обязывал участвовать в этом обсуждении, но внутри росло странное, липкое чувство неловкости.

Папка с методическими материалами группы «Аркеон» лежала прямо перед глазами. На серой обложке не было никаких броских знаков — лишь скромный логотип. Внутри обнаружились распечатки лекций, схемы упражнений и описания психологических техник, используемых на семинарах. Страница за страницей, абзац за абзацем. Текст казался сухим, местами избыточно запутанным, типичным для современных эзотерических течений, смешавших гештальт-тера-

пию с восточным мистицизмом. Но в нем не было главного.

В этих методичках полностью отсутствовали следы криминального характера. Никаких призывов к насилию, никаких инструкций по изоляции членов группы от семей, никаких финансовых схем, похожих на вымогательство. Все обвинения, которые сейчас так горячо обсуждали коллеги, строились исключительно на эмоциональных рассказах нескольких бывших участников.

— Карло, — пришлось прервать его монотонный стук ложкой. — Я просмотрела эти материалы. Дважды. Здесь нет ни одной независимой психологической экспертизы. Все, чем мы располагаем на данный момент, — это субъективные жалобы и газетные статьи. Мы не можем использовать термин «психосекта» на официальном уровне, пока не проведем детальный научный анализ их методов.

В комнате на мгновение воцарилась тишина. Было слышно, как за окном с шумом проехал тяжелый грузовик, заставив дребезжать старые оконные рамы. Лорита медленно подняла глаза от своих бумаг. Ее взгляд, обычно дружелюбный, сейчас казался холодным и колючим, как январский лед.

— Рафаэлла, ты шутишь? — Лорита откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. — Какая научная экспертиза тебе нужна, когда люди выходят оттуда со сломанной психикой? У нас есть свидетельства о физическом и психологическом насилии на их семинарах. Или ты считаешь, что жертвы все это придумывают?

— Я говорю о методологии, — голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но твердо. — Мы — профессиональное сообщество, а не трибунал присяжных. Если мы хотим, чтобы наше мнение имело вес в суде или в министерстве, мы должны оперировать фактами, а не эмоциями из прессы. Обвинения строятся на общих формулировках. Мы берем сложные психологические практики, вырываем их из контекста семинара и объявляем «манипуляцией». Но где доказательства того, что участники лишены свободы воли?

Карло вздохнул, положил ложку на стол и потер переносицу. На его лице отразилась глубокая, почти отеческая усталость. Он посмотрел на часы, затем на присутствующих, словно призывая всех к спокойствию.

— Рафаэлла, мы ценим твой академический подход, — произнес он мягко, но в этой мягкости чувствовалось стальное давление. — Но ты слишком оторвана от реальности в своем университете. Пока ты будешь проводить свои многомесячные исследования и писать рецензии, эти люди искалечат еще сотни судеб. Мы должны действовать на опережение. Общественная безопасность важнее методологических споров.

— Действовать на опережение — не значит выносить приговор до начала расследования, — возражение повисло в воздухе, оставшись без ответа.

Коллеги за столом начали перешептываться. Атмосфера в комнате изменилась, став плотной и вязкой. Еще вчера эти

люди тепло здоровались при встрече, обсуждали планы на выходные и делились профессиональными секретами. Сейчас между ними и сидевшим у края стола психологом пролегла невидимая, но вполне осязаемая черта. Любое сомнение в общей догме воспринималось здесь как предательство, как переход на сторону врага.

Заседание продолжалось еще около часа. Обсуждались планы по взаимодействию с прессой, подготовка пресс-релизом и координация действий с другими антикультовыми группами. Слова «Аркеон», «Мочча» — имя лидера группы — и «психокульт» повторялись как заклинания. Никто больше не задавал вопросов о доказательствах. Решение было принято давно, еще до того, как эти папки легли на стол.

Дождь на улице усилился, превратившись в сплошную серую стену. Вода заливала лобовые стекла припаркованных машин, превращая тротуары в грязные ручьи. В небольшом баре за углом офиса CeSAP в этот час посетителей почти не осталось.

Карло сидел за угловым столиком, задумчиво разглядывая чашку с недопитым эспрессо. Его плащ, сброшенный на спинку стула, потемнел от влаги. Когда раздался звон колокольчика над дверью, он поднял голову и коротко кивнул, указывая на свободный стул напротив.

— Ты сегодня была излишне резка, Рафаэлла, — начал он без предисловий, как только чашка с чаем оказалась на столе. — Лорита очень болезненно воспринимает любые сомне-

ния в нашей работе. Она отдает этой ассоциации всю себя.

— Сомнения — это часть научной работы, Карло, — пришлось сделать глоток горячего чая, который показался безвкусным. — Если мы перестанем сомневаться, мы превратимся в инквизицию. Почему CeSAP так упорно отказывается от проведения независимой экспертизы? Почему мы должны слепо верить каждому слову из жалоб, не проверяя их?

Карло покачал головой, на его губах появилась грустная, снисходительная улыбка.

— Независимая экспертиза — это утопия. Кто будет ее проводить? Те, кто симпатизирует этим группам? Или те, кто их ненавидит? В нашем деле нет нейтральной территории. Ты либо защищаешь людей от деструктивного влияния, либо помогаешь тем, кто ими манипулирует. Третьего не дано.

— Это ложная дилемма, — пальцы сжали теплую чашку. — Государство должно расследовать конкретные преступления. Если в «Аркеоне» есть финансовые махинации или физическое насилие — пусть этим занимается полиция. Но мы, как психологи, не имеем права заявлять, что все участники этой группы — безвольные куклы, лишённые разума. Это же ненаучно. Мы лишаем их права говорить от собственного имени.

Карло помолчал, глядя сквозь стекло на залитую дождем улицу. Мимо бара, подняв воротники курток, быстро прохо-

дили редкие прохожие.

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься, — тихо произнес он, переводя взгляд назад. — «Аркеон» — это огромная организация. У них сотни последователей, серьезные ресурсы. Если мы дадим слабину, если начнем сомневаться публично, они нас сомнут. Нам нужно единство. Твои академические споры сейчас работают против нас. Лорита уже недовольна. Она считает, что твоя позиция вредит ассоциации.

— Моя позиция вредит ассоциации, потому что я прошу факты вместо лозунгов?

— Твоя позиция ослабляет наш фронт, — Карло выделил слово «наш» голосом. — Подумай об этом. Мы делаем общее дело. И мне бы очень не хотелось, чтобы из-за академического упрямства ты оказалась в изоляции. Профессиональное сообщество не прощает двусмысленности.

В его словах не было прямой угрозы. Это дружеское предупреждение звучало даже мягко, но от него по спине пробежал легкий холодок. Это был первый раз за все годы работы в CeSAP, когда профессиональные разногласия начали перерастать в плоскость личной лояльности.

— Я хочу сама изучить первичные документы, Карло, — после долгой паузы пришлось озвучить это решение. — Дай мне папку с жалобами и материалами, которые прислали пострадавшие. Я хочу посмотреть на них без фильтров прессы. Если там действительно есть состав преступления, я первая признаю это.

Карло внимательно посмотрел в глаза, словно пытаясь разглядеть в них скрытый мотив. На его лице отразилась борьба. Наконец, он тяжело вздохнул и потянулся к своему портфелю, стоявшему на полу.

— Хорошо, — он достал плотную синюю папку на завязках и положил ее на стол между чашками. — Забирай. Здесь копии заявлений, распечатки переписки и некоторые внутренние документы, которые нам удалось получить. Но помни: эта папка не должна покидать твой кабинет. И никаких публичных заявлений до тех пор, пока мы не согласуем общую позицию правления.

Папка казалась неожиданно тяжелой. Картон был слегка потрепан по углам, а завязки завязаны небрежным узлом.

— Спасибо, Карло. Я просто хочу разобраться.

— Разбирайся, — он поднялся, накинул мокрый плащ и бросил на стол несколько монет за кофе. — Надеюсь, ты примешь правильное решение, Рафаэлла. Для твоего же блага.

Его фигура быстро растворилась в дождливых сумерках за стеклянной дверью бара. На столе осталась лежать синяя папка — первый осязаемый шаг в сторону от привычного, безопасного мира, где все ответы были известны заранее.

В кабинете дома, где вдоль стен выстроились тяжелые деревянные стеллажи, царила глубокая, почти монастырская тишина. Свет настольной лампы выхватывал из темноты письменный стол, заваленный научными журналами и монографиями по психологии религии.

Синяя папка легла на зеленую обложку рабочего стола. Завязки поддались легко, открывая содержимое. Внутри находилось около двухсот листов бумаги разного качества — от плотных бланков заявлений до тонкой, почти прозрачной факсовой бумаги.

Первый лист представлял собой копию заявления от бывшей участницы семинаров по имени Мария.

«Они заставляли нас стоять на коленях часами. Мастер говорил, что мы должны полностью сломать свое эго, чтобы очистить душу. Я отдала им все свои сбережения, потому что верила, что это путь к спасению. Моя семья пыталась меня остановить, но я считала их врагами...»

Текст был написан от руки, неровным, прыгающим почерком. На полях стояли пометки, сделанные красной ручкой — судя по всему, рукой Лориты или кого-то из ее помощников. Красным были подчеркнуты слова «сломать эго», «отдала сбережения», «считала врагами». Классические маркеры деструктивного культа, которые так любили использовать в антикультовых отчетах.

Однако при более внимательном чтении возникали вопросы. В заявлении не было конкретных дат, адресов мест проведения семинаров, имен других участников. Все формулировки оставались размытыми, эмоциональными, словно списанными из учебника по судебной психиатрии.

Следующий документ — распечатка электронного письма от мужчины по имени Стефано.

«После второго уровня семинара я потерял сон. Мне казалось, что лидер группы контролирует мои мысли на расстоянии. Когда я попытался уйти, мне начали угрожать духовной смертью. Они забрали мою жизнь...»

Контроль мыслей на расстоянии. Это утверждение, серьезное с точки зрения психиатрии, в материалах папки рассматривалось не как симптом возможного психического расстройства автора письма, а как прямое доказательство вины организаторов «Аркеона». Никаких медицинских справок, заключений независимых психиатров или результатов обследований к письму приложено не было. Только текст. Эмоциональный, полный боли и страха текст, который принимался на веру без малейшей попытки верификации.

Кабинет постепенно заполнялся ночной прохладой. За окном стих шум машин, лишь дождь продолжал монотонно стучать по стеклу. Часы на стене показывали половину второго ночи.

Лист за листом, документ за документом. Перед глазами разворачивалась странная картина. С одной стороны — трагические истории людей, переживших глубокий личный кризис после участия в семинарах. С другой — полное отсутствие объективных данных, которые могли бы связать этот кризис с противоправными действиями руководителей группы. Обвинения в «психологическом насилии» и «манипулировании» висели в воздухе, не подкрепленные ничем, кроме субъективных ощущений пострадавших.

В самом низу стопки обнаружился любопытный документ — копия внутреннего циркуляра для региональных отделений CeSAP. В нем содержались детальные инструкции по работе с прессой касательно дела «Аркеона».

«Инструкция по взаимодействию со СМИ по делу группы “Аркеон”:

1. *При общении с журналистами избегать сложных академических терминов. Использовать понятные широкой аудитории маркеры: “психосекта”, “промывание мозгов”, “духовное насилие”.*

2. *Акцентировать внимание на финансовых затратах участников. Любые добровольные взносы преподносить как результат манипуляции и вымогательства.*

3. *В интервью подчеркивать, что группа представляет угрозу для традиционных семейных ценностей и психического здоровья нации.* 4. *Не комментировать отсутствие официальных судебных решений. Указывать на то, что следствие ведется, а сам факт проверок уже свидетельствует о серьезности обвинений».*

Этот документ, отпечатанный на официальном бланке ассоциации, заставил остановиться. В нем не было ни слова о поиске истины, о психологической помощи или о защите прав человека. Это была чистая, прагматичная инструкция по формированию общественного мнения. Стратегия медийной войны, где главным оружием становились яркие ярлыки и неподтвержденные обвинения.

Сомнения, возникшие на закрытом совещании в Риме, теперь начали оформляться в твердую уверенность. Дело «Аркеона» создавалось по определенному шаблону. Шаблону, в котором реальные проблемы людей использовались для достижения совсем других целей — укрепления влияния антикультовых организаций, получения государственного финансирования и создания атмосферы страха в обществе.

Настольная лампа бросала длинные тени на стены кабинета. Синяя папка лежала открытой, обнажая изнанку процесса, в котором приходилось участвовать на протяжении последних лет. Вера в то, что антикультовое движение защищает демократию и свободу человека, дала глубокую трещину.

Впереди лежал долгий путь проверки каждого документа, каждой подписи и каждого слова в этих заявлениях. Путь, который неизбежно вел к конфликту с коллегами, с Карло, с Лоритой и со всей системой, частью которой довелось быть так долго. Но возврата назад, к слепой вере и удобному молчанию, больше не было.

Глава 2. Раскаяния по шаблону

Шорох плотной бумаги в тишине кабинета казался неестественно громким, почти агрессивным. Настольная лампа, сдвинутая к самому краю стола, выхватывала из темноты пожелтевшие листы заявлений, разложенные полукругом. За окном римский ноябрь укутывал Виа Национале сырым, тяжелым туманом, сквозь который едва пробивались желтые пятна уличных фонарей. Время перевалило за пол-

ночь, но сон не шел. Каждая страница, извлеченная из синей папки Карло, требовала предельной концентрации, словно речь шла о расшифровке сложного исторического манускрипта, где за внешним слоем слов скрывался совершенно иной, тщательно замаскированный смысл.

Пальцы скользили по шероховатой поверхности заявлений бывших участников группы «Аркеон». Текстура бумаги различалась: здесь были и дешевые листы для факса, успешные местами выцвести, и плотная, качественная бумага с водяными знаками, и вырванные из блокнотов листки в клетку. Почерк авторов тоже отличался — от размашистого, торопливого, с наклоном влево, до аккуратного, почти чертежного. На первый взгляд эти документы представляли собой хаотичный поток человеческой боли, разочарования и обиды. Люди писали о потерянных годах, разрушенных семьях, душевной пустоте и финансовом крахе.

Внимание привлекло заявление некой Кристины из Бари, датированное летом того же года. Строки тянулись неровно, местами буквы сливались в неразборчивые пятна. На пятой странице взгляд зацепился за абзац, описывающий структуру управления внутри группы.

«...структура организации построена на жесткой иерархии, где воля мастера является абсолютным законом для каждого посвященного. Личность подавляется путем систематического разрушения критического мышления, что приводит к полной потере индивидуальной идентичности и пе-

переходу в состояние психологического рабства под воздействием скрытых манипулятивных техник...»

Эти формулировки казались слишком гладкими, книжными, выбивающимися из общего эмоционального тона письма, полного бытовых подробностей и путаных жалоб на бывшую свекровь. В них чувствовался холодный, академический слог, не свойственный женщине без высшего образования, о чем упоминалось в начале ее анкеты.

Лист из другой папки — заявление Стефано из Римини — лег рядом. Бумага была чистой, отпечатанной на принтере, без единой пометки. Взгляд скользнул к середине третьей страницы.

«...структура организации построена на жесткой иерархии, где воля мастера является абсолютным законом для каждого посвященного. Личность подавляется путем систематического разрушения критического мышления, что приводит к полной потере индивидуальной идентичности и переходу в состояние психологического рабства под воздействием скрытых манипулятивных техник...»

Слова совпали полностью. Не просто смысл, но и знаки препинания, абзацы, даже специфические орфографические ошибки в итальянских словах, такие как пропущенная двойная согласная в слове «идентичность». Это не могло быть случайным совпадением или результатом того, что два человека читали одни и те же книги. Текст был скопирован. Слово в слово.

Линейка и карандаш легли на стол. Начался методичный, почти механический процесс сопоставления. Страница за страницей, документ за документом подвергались тщательному сравнению. Через два часа на отдельном листе формата А4 образовалась таблица совпадений. Результаты превзошли самые худшие опасения.

Пять разных заявлений, отправленных из разных городов Италии — Бари, Римини, Милана, Флоренции и Рима, — содержали идентичные текстовые блоки. Общие формулировки о «разрушении личности», «ментальном рабстве» и «финансовой эксплуатации» кочевали из одного документа в другой без малейших изменений. Менялись только имена пострадавших, даты их вступления в группу и суммы внесенных средств. Сама суть обвинений, юридическая канва, на которой строилось все дело против «Аркеона», была написана одной рукой.

Взгляд переместился на верхний левый угол заявлений. На большинстве из них стояли едва заметные отметки входящих номеров факсов. Номера отправителей были тщательно замазаны черным маркером, но на двух листах краска легла неплотно, пропуская цифры. Код города указывал на Бари и Римини. Именно там находились региональные отделения антикультовой ассоциации CeSAP.

Это был порог. Тот самый невидимый предел, за которым профессиональное любопытство исследователя окончательно превращается в опасное знание. Становилось очевид-

но, что перед глазами лежит не стихийный протест пострадавших граждан, а тщательно спланированная, скоординированная кампания. Жалобы не возникали сами по себе — их конструировали, собирали по единому шаблону и направляли в правоохранительные органы для создания иллюзии массового характера нарушений. И за этим процессом стояли те, с кем приходилось делить один кабинет на протяжении последних лет.

Утренний Рим встретил промозглой сыростью и серым небом, обещавшим затяжной дождь. Небольшое кафе на Виа Национале, расположенное в двух кварталах от офиса ассоциации, было заполнено наполовину. Официант в белом фартуке шумно расставлял чашки за стойкой, перекрикивая свист кофемашины.

Карло уже сидел за угловым столиком, изучая свежий номер *La Repubblica*. Его серое пальто висело на вешалке у входа, а на стуле рядом лежал объемный кожаный портфель, забитый бумагами. При появлении коллеги он поднял голову, его лицо на мгновение приняло дежурное, приветливое выражение, которое тут же сменилось настороженностью.

— Ты выглядишь усталой, Рафаэлла, — произнес он, складывая газету и пододвигая чашку с остывающим эспрессо. — Опять сидела всю ночь над материалами?

— Да, Карло. Ночь оказалась весьма продуктивной, — синяя папка легла на край стола, заняв место между сахарницей и тарелкой с круассанами. — Я внимательно изучила за-

явления пострадавших, которые ты мне дал.

Карло слегка прищурился, его пальцы начали медленно постукивать по столу. Этот жест выдавал его внутреннее напряжение, несмотря на внешнее спокойствие.

— И какие выводы? Надеюсь, теперь у тебя нет сомнений в том, что «Аркеон» представляет серьезную угрозу? Наша пресса пишет об этом каждый день.

— Мои выводы касаются не столько «Аркеона», сколько методов работы нашей собственной ассоциации, — голос звучал тихо, но отчетливо, перекрывая шум бара. — Я сравнила тексты заявлений Кристины из Бари, Стефано из Римини и еще троих заявителей. Они идентичны. Целые абзацы, описывающие психологическое воздействие, скопированы слово в слово. Вплоть до орфографических ошибок. Как ты можешь это объяснить?

Карло не удивился. Он даже не отвел взгляд, лишь его губы сжались в тонкую линию. Он медленно потянулся к чашке, сделал глоток и аккуратно поставил ее обратно на блюдце.

— Рафаэлла, ты ищешь заговор там, где его нет, — его тон был покровительственным, словно он объяснял простые вещи нерадивому студенту. — Люди, выходящие из таких деструктивных групп, часто находятся в состоянии глубокого психологического шока. Они дезориентированы, напуганы и не могут самостоятельно сформулировать то, что с ними произошло. Им нужна помощь. В том числе юридическая и техническая.

— Помощь в формулировании мыслей или написание заявлений под диктовку? — карандаш из кармана лег на стол, указывая на подчеркнутые строки в распечатках. — Это не просто помощь. Это фабрикация доказательств. Тексты составлены профессиональным юристом с использованием специфической терминологии, которая выгодна обвинению для квалификации дела по статье о порабощении сознания. И эти заявления координируются из офисов CeSAP в Бари и Римини.

Карло вздохнул, его плечи слегка опустились. Он наклонился вперед, так что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от лица собеседницы.

— Послушай меня внимательно, — его голос опустился до шепота. — Мы ведем войну. Против нас стоит мощная, богатая организация, которая нанимает лучших адвокатов и пиарщиков. Если мы будем играть по академическим правилам, мы проиграем еще до начала судебного процесса. Да, наши юристы помогают пострадавшим составлять заявления. Да, мы используем типовые формулировки, чтобы облегчить работу следователям и прокуратуре. В этом нет никакого криминала. Это нормальная юридическая практика координации истцов.

— Это не координация, Карло. Это создание видимости массовости там, где ее, возможно, нет, — возражение прозвучало жестко. — Мы берем единичные случаи реальных конфликтов и превращаем их в системную угрозу с помощью

копирования текстов. Если суд обнаружит эти совпадения, все дело развалится. И репутация CeSAP будет уничтожена.

— Суд ничего не обнаружит, если мы будем действовать слаженно, — Карло резко убрал руку со стола и откинулся на спинку стула. — Прокуратура Бари полностью на нашей стороне. Доктор Джузеппе Луиджи Пальма, президент Национального совета психологов, лично курирует это направление. У нас есть поддержка в Министерстве внутренних дел, в специальном подразделении S.A.S., которое занимается исследованием культов. Все под контролем, Рафаэлла. Твоя задача — дать нам научное обоснование деструктивного характера методик «Аркеона», а не проверять запятые в заявлениях свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.